

Слушать готов до конца своих дней
песню, что нет для якута сильней.
Песнь Олонхо... в той песне святой
едет боотур за живую водой.

Он пролетает сквозь море огня,
он через мёртвую воду спешит.
Подвиг боотура тревожит меня,
мне бы хотелось его совершить.

Воду живую мне надо найти,
матери милой её принести.
В сказке любой есть живая вода,
в жизни – такой не найти никогда.

Песню для матери я напишу.
Песней живой я её воскрешу.

¹ Продолжение, начало в №4, 2018 г.

Для меня священна та гора,
где в могиле спит спокойно мать.
Я прошу, когда придёт пора
моё сердце рядом закопать.

Потому что с той горы видна
Лены величавой глубина.
И не зря сюда меня вели
все пути-дороженьки земли.

На вершину, молча, поднимусь
и как будто к небу вознесусь.
Мысли и душа мои чисты
здесь, при виде этой красоты.

Здесь, у могилы матери родной,
я полон мирозданья тишиной.

Момента вспомнить не могу, чтоб мать
кого-нибудь ругала, поносила.
Была дана особая ей сила,
глупцу в ответ она могла молчать.

Поэт – создание светлых сил, и в том
смысл жизни. До последнего момента.
Недаром он становится легендой
при жизни. После смерти – божеством.

Всё чёрное и грязное всегда
врагами были, будут для поэта.

Обнажена в лучах дневного света
его душа, как белый день, чиста.

Когда глупец слова мне злые шлёт, —
дух матери защитой мне встаёт.

20

Милые сказки, не вы ли, скажите,
дар драгоценный далёкого детства,
праздник души моей, вечный учитель,
для утешения лучшее средство?

В сказках всегда наши матери с песней
доброй и мудрой, её напевая,
даром они обладают чудесным,
раны смертельные нам исцеляя.

Я до сих пор убеждён, что родная
мать проживает в какой-нибудь сказке,
вечно цветущая и молодая,
с нежной улыбкой, с доброю лаской.

Ранен я в сердце... Не выстоять мне...
К матери в сказку я мчусь на коне.

21

Любуюсь, молча... Белый дым полей...
Он распластался белым скакуном.
И, грустно вспоминая о былом,
я думаю о матери моей.

Всё кажется, что мать ко мне идёт,
платком мне машет. Вижу я её...

И белый дым родных полей плывёт
сквозь сердце беспокойное моё...

Над материнским полем сладкий дым...
О, как ты вьёшься, вечно одинок,
как материнский памятный платок
по всем полям ты стелешься земным.

И дыма этого живительнее нет.
Им пахнет иногда весь белый свет.

22

Вкус взбитых сливок! Тающий глоток
знаком якутам. Лакомство для всех.
Легко мутовкой из коровьих рог
взбивала мама пенистый керчех.

И по утрам его давала мне...
Но так давно, что вкус тот позабыт.
Теперь меня никто не угостит,
вот только разве мама, но во сне.

Из материнских рук керчех беру,
за этот сон я мать благодарю,
А на дворе кружится белый снег,
напоминая пенистый керчех.

То небо угощает всех людей
керчехом, взбитым матерью моей.

23

Вот моё родное озерко –
круглое, как мамины оладьи.

Скакуна из палочки изладив,
в детстве обегал его легко.

А потом я к матери скакал,
заявлял в шутливом разговоре:
«Знаешь, мама, я объехал море?» –
и твердил, что счастье отыскал.

Грустно мама головой качала...
Лишь поздней я истину узнал.
Счастье в жизни мне не повстречалось,
сколько бы морей не проплывал.

Каждый раз я убеждаюсь снова –
счастье здесь, у озера родного.

24

Приложусь благодарно губами
я к знакомой щеке камелька.
Он приветлив и даром что камень,
так тепла под губами щека.

Но при этом он истинно скромн
и для доброго слова открыт.
И в чарующем свете огромен
мир, где мамина сказка звучит.

В этом мире начало все реки
из молочных берут ручейков.
Оттого-то я молод навеки,
что напился из тех берегов.

В благодарную память о том,
пред старинным склонюсь камельком.

25

Легенда есть о богатыре-траве,
её приносит чёрная желна.
Перед восходом солнца, в синеве
в дупло своё торопится она.

Я слабым рос мальчишкой и узнал
про ту траву и отыскать решил.
Но заблудившись, выбившись из сил,
под деревом дуплистым задремал.

В отчаянье искала мать меня,
ходила долго, плакала, звала
и чуть живого, наконец, нашла,
прижала к сердцу на закате дня.

Пусть не нашёл я богатырь-травы.
Я силу в материнской взял любви.

26

Рассказ твой, мама, поразил меня
про дивного крылатого коня,
который, будто полною луной,
пасётся средь голубизны лесной.

С тех пор как будто я лишился сна.
Лишь только выйдет полная луна,
я вижу явно, словно в свете дня,
чудесного крылатого коня.

И я бегу, и я несусь за ним!
Всю жизнь свою за ним гоняюсь я.
Но конь крылатый тот неуловим,
он как тревога вечная моя.

За то, что вечным поиском горю,
я только мать свою благодарю.

27

В безделье маму вспомнить не могу.
А в пору сенокоса, на лугу,
казалось, грабли белые несли
её, как крылья к солнцу от земли.

А там, на небе, среди иных полей
летели стаи серых журавлей,
и, как граблями, крыльями они
сбирали в копна облака и дни.

На небе и земле из века в век,
так было и пребудет так всегда,
трудами жив и славен человек,
и жизни в том великая страда.

Мне мать дала такой наказ, всегда
среди первых быть на празднике труда.